

Скудных познаний Сы Вэя в музыке не хватало, чтобы расслышать сокровенные думы, скрытые за чистым перебором струн, или разгадать вплетённую в мелодию повесть. Но язык музыки говорит напрямую с сердцем: любому человеку дано почувствовать, струится ли песня лёгким ручейком или обрушивается яростной бурей.

Великолепие, изящество, причудливое узорочье, размах.

Перед глазами вставал образ пышного придворного пира. Струилась музыка легендарной пляски в радужных одеждах — дитя мирной, сытой эпохи. В этих звуках таился дурман всеобщего хмельного забвения, сквозь которое, вопреки показному благополучию, проступала смутная тревога. Мелодия заставляла сердце замирать от восхищения и одновременно вселяла щемящее беспокойство, точно путник, заблудившийся в тумане, безуспешно искал дорогу домой.

Звуки взмывали всё выше, ускоряясь, дрожа от напряжения, но в самый острый, переломный миг оборвались. Наступила внезапная, оглушительная тишина.

Сы Вэй перевёл взгляд на Цзиньли. Она сидела на кушетке вполоборота к нему, прижимая к себе инструмент. Дыхание её сбилось, грудь часто вздымалась. Застыв, она держала пальцы в паре вершков над струнами, так и не решившись сделать последний перебор.

Спустя мгновение Цзиньли тихо вздохнула и подняла на него глаза, полные щемящей грусти:

— Как писать продолжение... я пока не знаю.

Сы Вэй медленно выдохнул и негромко зааплодировал:

— Даже эти полпесни способны лишить дара речи. Вышло невероятно.

Снизу донеслись быстрые, лёгкие шаги. На третий этаж вихрем взлетела Цинлу, ходившая к госпоже Лю за коробочкой с пудрой. Глаза девочки так и сияли:

— Госпожа, вы сочинили новую мелодию?

Цзиньли поднялась и бережно отложила инструмент в сторону:

— Наверное, так. Но это лишь половина. Как продолжить её, я пока не придумала.

Она подошла к окну. Сквозь плотный шёлк, натянутый на рамы для защиты от сквозняков, разглядеть улицу было невозможно. Цзиньли обернулась и посмотрела на Сы Вэя, который всё так же сидел за низким столиком:

— Хотя я и не Драгоценная наложница Ян, но, попробуй я представить себя на её месте... мне было бы невыносимо горько. Сердце противится такому исходу.

Сы Вэй остался внешне спокоен. Он понимал, что Цзиньли сокрушается о горькой доле возлюбленной императора и не может примириться с её кончиной. Но ведь в искусстве нет непреложных законов.

— Мелодию сочиняете вы, и танец тоже ваш, — мягко заметил он. — Если пожелаете, вольно изменить финал. Пусть Драгоценная наложница Ян не гибнет на почтовой станции Мавэй.

Стоявшая рядом Цинлу в изумлении округлила глаза.

— Нет, Драгоценная наложница Ян мертва, и этой правды не перечеркнуть, — покачала головой Цзиньли. — Ты как-то упоминал, что история любви Танского императора Мин-хуана и Драгоценной наложницы Ян легла в основу театральной пьесы. Скажи, нет ли сейчас в уезде Цзю труппы, способной разыграть представление о хмельной наложнице? Или хотя бы раздобыть саму пьесу, её сценарий?

Сы Вэй смущённо потёр кончик носа.

«Если бы здешняя династия Дали существовала в его родной истории, он бы ещё мог прикинуть, сколько веков отделяет его от эпохи великого Мэй Ланьфана. Но в этом мире никто никогда не слышал ни о династии Тан, ни о великих правителях древности, ни тем более о знаменитых гастрольях четырёх театральных трупп в столице на закате империи... Спрашивать о подобном бесполезно. Да и сам он вовсе не знаток оперного искусства — откуда ему взять готовое либретто?»

— Побойтесь неба, барышня! — испуганно залепетала Цинлу, и лицо её сделалось бледнее мела. — О делах столичных господ у нас и шептаться-то не смеют. Неровен час, прослышит кто — и пиши пропало. Сгинем ни за грош!

Сы Вэй не успел вставить и слова, как Цзиньли легонько щелкнула Цинлу по лбу и с досадой прикрикнула:

— Да замолчи ты! Мы о старинных пьесах толкуем, а ты, глупая девчонка, невесть что выдумываешь да панику наводишь.

Девочка обиженно потёрла лоб и заворчала:

— Да и откуда взяться новым пьесам о Танском императоре Мин-хуане? Сейчас на улицах только про божеств поют — праздник ведь на носу, всем хочется привлечь удачу да порадовать взор весёлым зрелищем.

Цзиньли тихо вздохнула. Если искать негде, не стоило и упорствовать:

— Что ж, придётся мне самой всё хорошенько обдумать.

Она опустилась на кушетку, погрузившись в раздумья. Пальцы лениво перебирали струны, но звуки рождались редкие и обрывистые — былого лада в них уже не чувствовалось.

Сы Вэй решил не мешать её уединению. Он поманил к себе Цинлу и показал ей деревянную шкатулку, где уже застыл приготовленный заранее пчелиный воск.

В этом мире не знали ни тонального крема, ни консилеров. Сы Вэю пришлось самому варить снадобья, смешивая воск с красителями. Но как заставить это средство ровно ложиться на кожу? Каким должен быть идеальный оттенок, чтобы лицо не выглядело маской? В таких тонкостях без совета Цинлу было не обойтись. Пусть Сы Вэй и прожил две жизни, в косметике он смыслил куда меньше девчушки, которая уже всю училась искусству обольщения и знала толк в белилах и румянах.

Работа закипела. В Павильоне Туманов у каждого появилось своё дело.

Вся тяжесть первых дней легла на плечи Цзиньли. Ей предстояло не только завершить мелодию и поставить танец, но и разучить всю партию вместе с Цинлу, чтобы та могла аккомпанировать.

К счастью, Цзиньли с малых лет воспитывалась в Приказе придворной музыки. Древнее искусство танца и игры на лютне вросло в её плоть и кровь, так что эта задача не страшила её.

Что до Цинлу, то её продали в Башню Весенней реки ещё несмышлёным ребёнком. Свободное от побегушек время она проводила среди музыкантов, жадно впитывая их мастерство. Особого таланта к танцам у неё не обнаружилось, зато к инструментам она тянулась охотно. Под руководством Цзиньли она со временем вполне сносно освоила и цитру, и пипу. Выучить новую мелодию для неё было делом нескольких дней.

Когда танец и музыка обрели ясные очертания, черёд настал для Сы Вэя.

В его прошлой жизни пьеса о хмельной наложнице считалась признанным шедевром. Однако бесконечная учёба, заботы о куске хлеба и полное равнодушие к театру сыграли свою роль: Сы Вэй ни разу не видел её на сцене, как и классическую драму «Дворец вечной жизни», из которой та когда-то родилась.

Он упомянул о трагедии державных влюблённых лишь к слову, поддавшись мгновенному порыву.

Для гостей Башня Весенней реки оставалась весёлым вертепом, где за звонкую монету

покупалась минутная ласка. Но для здешних затворниц всё виделось иначе. Они досконально изучили повадки мужчин, знали цену их лживым клятвам, и всё же именно в этих ветреных покровителях видели единственный шанс вырваться на волю. Разум твердил им: верить мужчинам нельзя. Но какое девичье сердце не грезило втайне о суженом, тихой гавани семейного очага и любви до гробовой доски?

Эта пропасть между суровой явью и робкой надеждой разрывала их души на части.

Невысказанная боль годами копилась в груди, постепенно превращаясь в смертельный яд. И Сы Вэй решил помочь Цзиньли выплеснуть эту горечь через великую историю любви Танского императора Мин-хуана и Драгоценной наложницы Ян. Дать ей высказаться, облегчить душу и, быть может, подарить им обоим призрачный шанс на спасение.

Цзиньли сидела перед зеркалом, опутив ресницы. Цинлу тонкой, как волосок, кистью бережно вела черту вдоль её века, уводя линию к виску изящным, едва заметным росчерком.

Отойдя на шаг, девочка склонила голову набок, присматриваясь к своей работе, а затем спросила Сы Вэя:

— Ну как? Так сойдёт?

Цзиньли медленно подняла веки. В её глазах, обращённых к юноше, отразился косой луч зимнего солнца. Во взгляде сквозило лукавство, и она едва заметно улыбнулась.

Сы Вэй отступил назад, оценивая созданный образ со стороны, и удовлетворённо кивнул:

— Превосходно. Именно то, что нужно.

Он указал на разложенные на столе баночки и листы бумаги, где растирал краски:

— Теперь нанеси этот тёплый оттенок на веки. Совсем немного. Цвет должен таять у самых бровей. А поверх положи тёмную сажу, плавно растушёвывая её к краям.

Кивнув, Цинлу принялась послушно накладывать румяна вместо теней, следуя его указаниям.

Этот макияж напоминал глубокую, туманную дымку. В нём не было ничего от вульгарного блеска дешёвых столичных певичек — скорее он походил на благородный, величавый грим старинных театральных примадонн. Тёмные тени подчёркивали глубину взгляда, делая его загадочным и манящим.

Когда с глазами было покончено, лоб украсили узорной мушкой-хуадянь, а губы покрыли алой помадой. Облик преобразился до неузнаваемости.

В отсутствие современных белил и притирок Сы Вэю пришлось проявить чудеса изобретательности. Он смешивал тончайшую рисовую пудру с углём и воском, толоч лепестки цветов и уваривал мази. Обычную помадную бумагу он растворил, чтобы получить густой пигмент для маскировки мелких изъянов кожи, а за настоящим алым цветом снарядил Цинлу в аптекарскую лавку — купить пару цзяней киновари, из которой они сварили яркий, сочный бальзам для губ.

Цзиньли всматривалась в тусклое отражение, боясь прикоснуться к собственным щекам:

— Даже не верится, что это я...

Обычно она предпочитала простые наряды холодных, блёклых цветов, да и держалась холодно и отстранённо. Но сейчас из зеркала на неё глядела величавая красавица — яркая, статная, дышащая негой и чувственным очарованием.

Сы Вэй облегчённо вздохнул:

— Это лишь начало. Привыкайте к новому лику. Драгоценная наложница Ян была из тех женщин, чей единственный взгляд заставлял меркнуть первых красавиц императорского дворца.

Цзиньли кокетливо усмехнулась:

— Неужели?

Она поднялась, бегло осмотрела своё будничное платье, и в ней вспыхнула решимость:

— Цинлу, принеси мой гранатовый наряд. Тот, что с широкой юбкой из шестнадцати полотнищ.

Широкая, летящая юбка, блуза с просторными рукавами, изысканный макияж и высоко уложенная причёска, напоминающая пышное облако — всё это в сочетании с природным изяществом делало её царственной особой. Казалось, поднимись она сейчас по парадной лестнице, любой вельможа склонил бы пред ней голову.

Пусть даже единственным зрителем в Павильоне Туманов оставался Сы Вэй.

Он тихо продекламировал:

«В облаке вижу одежды её, в пионе — лицо...

Ветром весенним оваян приют, окроплённый росой.

Если на пике Нефритовых гор повстречать не дано,

Встречу под чистой луной у дворцовых ворот...»

Эти строки некогда сложил великий поэт Ли Тайбо, прославляя красоту Драгоценной наложницы Ян. Сы Вэй не знал, какой та была на самом деле, но сейчас, перебирая в памяти лица всех красавиц, которых видел в обеих жизнях, он понимал: Цзиньли была живым воплощением этой поэзии.

Алая парча юбки, нежно-розовые рукава накидки... Красавица вскинула голову, и её сияющий взор, исполненный гордости и неги, заставил Сы Вэя затаить дыхание.

Цзиньли лукаво прищурилась и прикрыла рот рукавом, не в силах сдержать радостной улыбки:

— Ну как, хороша я?

Она была ещё так молода. Сы Вэй тепло улыбнулся ей в ответ:

— Вы прекрасны.

Её лицо озарилось счастливым восторгом:

— Тогда играй, Цинлу! Я буду танцевать!

<http://bllate.org/book/18280/1759219>